

Предисловіе

Представляемъ нашимъ читателямъ, а также всѣмъ, интересующимся военно-морской исторіей, неизвѣстное доселѣ произведеніе, описывающее періодъ триумфальной для Россійской имперіи войны 1877–1879 годовъ, приведшей, какъ извѣстно, къ кардинальному передѣлу тогдашняго міроустройства. Славныя побѣды на Балтикѣ, въ Средиземномъ морѣ, подвиги моряковъ Русскаго Императорскаго флота въ Атлантикѣ и Индійскомъ океанѣ — кто изъ насъ не помнитъ эти славныя вѣхи въ исторіи нашего Отечества? И остается только порадоваться появленію еще одного произведенія, написаннаго если не очевидцемъ и участникомъ тѣхъ славныхъ событій, то, несомнѣнно, со словъ таковыхъ.

Нѣсколько словъ объ авторѣ этой книги. Тутъ мнѣнія специалистовъ разошлись. Одни приписываютъ её перу капитана втораго ранга А. Конкевича, который въ 1886-мъ выпустилъ подъ псевдонимомъ Бѣломоръ первый руссійскій романъ въ модномъ нынѣ жанрѣ «альтернативной исторіи» «Крейсеръ “Русская надежда”». Другіе же ука-

зывают на то, что хоть псевдонимы авторов частично совпадают, говорить об их идентичности всё же было бы чересчур смѣло — особенно съ учетомъ значительныхъ стилистическихъ расхождений и несхожести литературныхъ манеръ двухъ авторовъ. Что до схожести нѣкоторыхъ моментовъ въ текстѣ произведений, то тутъ, несомненно, имѣеть мѣсто не заимствование, а использование А. Конкевичемъ реального историческаго матеріала. Такъ, лихой набѣгъ клипера «Крейсеръ» на Сингапуръ широко описанъ какъ въ мемуарахъ участниковъ, такъ и во множествѣ спеціальныхъ изслѣдованій.

Издательство выражаетъ отдѣльную благодарность историку флота и служащему Императорскаго военно-морского архива надворному совѣтнику Б. Батыршину, взявшему на себя трудъ не просто подготовить книгу къ изданію (надо замѣтить, что изначально она имѣла видъ разрозненныхъ записокъ), но и возстановить, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и реконструировать заново недостающіе эпизоды — разумѣется, насколько это позволили его скромные литературные таланты.

Часть I

ALEA IACTA EST¹

I. Мичмана

Огромное здание выходило на набережную между Одиннадцатой и Двенадцатой линиями Васильевского острова и тянулось по ним на весь квартал. Середину его составлял десятиколонный портик, поставленный на выступ первого этажа; справа и слева, в крыльях — две башни. Центр фасада увенчан цилиндрической будкой астрономической обсерватории, обшитой поверх железа неструкаными досками, что изрядно портило парадный облик здания.

Трое молодых людей, прогуливавшихся вдоль парапета, отсекавшего набережную от серых даже под голубеньким весенним небом вод Невы, не замечали ни колонн, ни уродливой будки обсерватории. За годы учёбы в Морском корпусе всё это стало привычным, как ветер

¹ «Жребий брошен!» (*лат.*) — фраза, произнесённая Юлием Цезарем при переходе пограничной реки Рубикон. Употребляется в смысле: совершить поступок, который не может быть отменен, принять опасное и бесповоротное решение.

с Финского залива, насыщавший столичный воздух сыростью.

Прохожие тоже не замечали новенькие, с иголки, мичманские сюртуки троицы. Эка невидаль — мичмана! Кому ж ещё тут ходить? В апреле 1877 года от Рождества Христова, как и во всякий другой год, гардемарины столичного Морского корпуса выпускаются во флот мичманами — вот как эти трое, только что примерившие свои первые офицерские мундиры.

— Не могу согласиться с вашей, друг мой, непреклонностью, — говорил шедший в середине, высокий, худощавый, с несуразно длинными ногами, что придавало ему сходство с журавлём. Длинный нос и бледное, густо усыпанное веснушками лицо довершали комический облик его обладателя.

Тот, что справа, был на полголовы ниже своего товарища и облик имел не столь комичный. Самая заурядная внешность, способная, впрочем, привлекать петербургских барышень: стройная, выработанная корпусной муштрой осанка. Фуражку молодой человек нес в руке, открыв волосы невскому ветру.

— Барахтаться в Маркизовой луже, когда можно отправиться в океан — нет, это в голове не укладывается! — продолжал меж тем долговязый. — Или вам здешние воды не надоели во время летних практических плаваний?

Ответа он не дождался. К чему слова, если всё давно переговорено? С тех самых пор, когда они, три будущих мичмана, а тогда ещё гарде-марины выпускного класса Морского корпуса, стали задумываться о первом месте службы.

В таком деле ничего нет лучше надежных связей в высшем столичном свете либо в коридорах под шпиром. Но не каждому привалит такое счастье; из всей троицы лишь один — тот самый, голенастый, записанный в корпусной ведомости как барон Карл Густав Грехе (для друзей Карлуша), сын остзейского барона и обер-камергера императорского двора, — мог похвастать чем-то подобным. Двум другим, Серёже Казанкову и Венечке Остелецкому, невысокому, крепко сбитому живчику, чья жизнерадостность и румяные девичьи щеки являли разительный контраст с обликом Грехе, приходилось надеяться только на себя. По давней корпусной традиции первые по результатам экзаменов выпускники могли выбирать место службы.

Лишённые высоких связей, оба они, и Казанков и Остелецкий, в табелях имели превосходные баллы. Это, а ещё два месяца зубрежки перед экзаменами — и готово дело, третья и шестая строки заветного списка! Остелецкий, долго не раздумывая, попросился на Чёрное море, Серёжа Казанков предпочел остаться на Бал-

тике, выбрав вакансию в дивизионе башенных броненосных лодок. Долговязый Грече, узнав об этом, не поверил своим ушам. А убедившись, что розыгрышем здесь и не пахнет, принялся отговаривать приятеля — пока не поздно, пока приказ о назначении не прошел по инстанциям и можно ещё попытаться что-нибудь переиначить!

Барон старался напрасно — Казанков был непреклонен, и Грече оставалось только брюзжать.

— Решительно не понимаю! — барон для убедительности помотал рыжей остзейской шевелюрой. — Законопатить себя на древнее корыто, когда можно попасть на свеженький, с иголки, клипер или броненосный фрегат! Признайтесь честно, Серж, вы не склонны к самоистязанию, как последователи маркиза де Сада? Тогда могу понять...

— Зато вы, барон, своего не упустили, — лениво отозвался Остелецкий, которому надоело в сотый раз выслушивать одни и те же язвительные сентенции. — Вот что значит связи в свете: раз-два и в дамках, и готово место вахтенного офицера на клипере «Крейсер», да ещё с путешествием за казенный счет перед вступлением в должность! «Крейсер»-то сейчас в заграничном плавании, с эскадрой адмирала Бутакова...

— Да разве я, господа, виноват, что клипер ни с того ни с сего встал на ремонт на верфях Крампа в Филадельфии? — огрызнулся Гриве. — Когда решалось мое назначение, ожидали, что эскадра Бутакова вот-вот возьмет курс домой, и тут поломка какая-то нелепая! А теперь уж всё: распоряжение подписано, извольте явиться к месту службы, хотя бы для этого пришлось переплыть Атлантику!

— Вот и я говорю — недурно устроились, — не сдавался Остелецкий. — Отдохнете в комфортабельной каюте, с пассажирками пофлиртуете, да и в Марселе гульнете с полным вашим удовольствием!

— Так и вам, Венечка, тоже не завтра на вахту, — не остался в долгу барон. — Сперва надо добраться до Севастополя, а уж там — кружитесь-вертитесь на вашей суповой тарелке, сколько душе угодно.

Вениамин Остелецкий, третий из закадычных приятелей, получил назначение на «Новгород», один из двух броненосцев береговой обороны Черноморского флота. «Новгород», как и его брат-близнец, «Вице-адмирал Попов», отличался крайней экстравагантностью конструкции: в плане он был совершенно круглым и приводился в движение шестью гребными винтами. Нелепый облик этих кораблей породил и во флоте и в российском обществе

немало насмешек. Известный поэт Некрасов разразился по его адресу едкой сатирой, имея в виду, разумеется, не мореходные качества необычных кораблей, а соображения сугубо политические:

Здравствуй, умная головка,
Ты давно ль из чуждых стран?
Кстати, что твоя «поповка»,
Поплыла ли в океан?
— Плохо, дело не спорится,
Опыт толку не дает,
Все кружится да кружится,
Все кружится — не плывет.
— Это, брат, эмблема века.
Если толком разберешь,
Нет в России человека,
С кем бы не было того ж.
Где-то как-то всем неловко,
Как-то что-то есть грешок...
Мы кружимся, как «поповка»,
А вперед ни на вершок.

Стихотворец либо не знал, либо не захотел вспомнить о главной причине появления на свет круглых броненосцев. Дело в том, что Парижским договором 1856 года, который подвел для России итоги Крымской войны, не дозволялось иметь на Чёрном море боевые корабли. Детища же вице-адмирала Попова считались «плавучими фортами» и не попадали под за-

претительные статьи. Мичман искренне полагал свой будущий корабль новым словом в военном судостроении и добивался именно этого назначения.

— Вот и выходит, дорогой барон, что и я, и Серёжка выбрали для службы броненосные корабли. Это вы у нас истинный марсофлот, пенитель моря-окияна, а нам теперь корпеть под броней, при солидных калибрах, вблизи родных берегов.

— Так ведь сами этого хотели! — фыркнул Гreve. — Вы, Венечка, только и твердили, что о «поповках», да и Серж, насколько мне известно, сам попросился в бригаду броненосных лодок. И зачем ему, скажите на милость, эти нелепые посудины?

— Так уж и нелепые! Не забывайте, моншер, эти, как вы изволили выразиться, «посудины» — почти точные копии американского «Монитора», прародителя нынешнего броненосного флота.

Гreve скептически хмыкнул.

— Я, конечно, уважаю почтенные седины, но служить всё же предпочитаю не на антикварных экспонатах, а на нормальных судах. Да и вид у этой калоши таков, что без смеха на неё смотреть невозможно!

Серёжа, не принимавший участия в язвительной пикировке, улыбнулся. Перед его глазами снова возник июльский день 1869 года:

он, девятилетний мальчишка, едет с матерью на извозчике в Военную гавань Кронштадта, чтобы полюбоваться на стоящие там корабли...

II. Жестянка из-под леденцов

— Какой смешной! — громко сказал мальчик и шмыгнул носом. — Будто банку от монпансье поставили на плот!

Окружающие покосились на сорванца с неодобрением. Его мать, миловидная, стройная брюнетка лет тридцати, густо покраснела.

— Серёжа, как тебе не стыдно! Господину офицеру, наверное, обидны такие сравнения!

Мичман улыбнулся.

— Ваш сын совершенно прав, мадам. Вот и северные американцы такие суда называли «коробкой сыра на плоту».

— Но ведь правда похоже! — вдохновенный поддержкой, продолжал мальчик. — У нас дома есть такая банка, фабрики «Ландрин», жестяная, с картинками. А плот мы с мальчишками делали прошлым летом, на затоне, вот!

Корабль, о котором шла речь, и в самом деле возвышался над водой всего на несколько футов. Дошчатые мостки, перекинутые с пирса на палубу, были так сильно наклонены, что гостям приходилось судорожно цепляться за веревоч-

ные ограждения — леера. Двое матросов, дежуривших у сходней, подхватывали дам под локотки и передавали на палубу, где их встречал мичман при полном флотском параде.

Посетители нипочем не догадались бы, как тяготит мичмана роль гостеприимного хозяина и гида. По традиции, на стоящие в Кронштадте военные суда допускали по субботам и воскресеньям публику. И пока остальные офицеры съезжали на берег — кто к семьям, кто в поисках столичных удовольствий, — мичман, на правах младшего в кают-компании, принимал посетителей. Сегодня их, к счастью, немного — с утра накрапывал дождик, и мало кто захотел испытать на себе капризы погоды.

Убедившись, что последние гости — почтенная матрона в сопровождении невзрачного господина в фуражке с гербом почтового ведомства — благополучно преодолели сходни, офицер откашлялся, привлекая к себе внимание. При этом он исподволь бросал взгляды на изящную брюнетку, порадовавшись, что гостя, кажется, без супруга. Дама мило улыбалась в ответ. Юный мичман слегка покраснел и поторопился принять строгий, независимый вид, как и подобает офицеру Российского Императорского флота.

— Позвольте, господа, приветствовать вас на борту башенной броненосной лодки «Стре-